

Съ развѣдчинами 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Сиб. стрѣлк. полка)

(Продолженіе 1).

Глава III.

ь ту же ночь, послѣ прибытія подъ гостепріимный кровъ почтеннаго Мохова разыгрались первыя «вооруженныя столкновенія» съ урянхами.

По рассказамъ Мохова оказалось, что ближайшіе караулы урянховъ находятся всего въ 6—8 верстахъ отъ Усть-Усинскаго, выше по берегу Енисея. Здѣсь по приказанію Хейдубы были уничтожены наши землемѣрные столбы, насыпаны новые пограничные знаки и поставлены юрты для вооруженнаго караула.

Половину отряда оставили на заимкѣ, а съ остальными я двинулся темной ночью по Енисею. Проводникомъ нашимъ былъ самъ Моховъ. Почетная роль эта не совсѣмъ, видно, пришлась ему по душѣ. Долго и нѣжно прощался онъ со своими, долго копался, пристраивая къ поясу огромнѣйшій маузеръ, и уже съ явной неохотой слѣзъ съ засѣдланнаго коня, такъ какъ я категорически приказалъ ему слѣдовать съ нами обычнымъ порядкомъ, т. е. пѣшкомъ.

Быстро, въ полной тишинѣ и въ порядкѣ, пришли мы къ указанному мѣсту.

Я задался цѣлью взять «звѣря» живьемъ въ берлогу, а для этого, считаясь съ чуткостью урянховъ, нужно было подкрасться неза-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ», № 3.

мѣтнымъ образомъ, не выдавая себя ни малѣйшимъ шорохомъ, и плотнымъ кольцомъ оцѣпить юрты.

Еще въ пути я растолковалъ развѣдчикамъ, какъ нужно дѣйствовать.

Подойдя къ подножію обрыва, на которомъ находились юрты, я двинулся впередъ, чтобы отрѣзать имъ путь отступленія, а другая часть людей, подъ начальствомъ унт.-офицера Васильева, должна была окружить урянхайскій постъ справа.

Люди рассыпались и, цѣпляясь за кусты и камни, стали взбираться на крутой обрывъ. Кое-гдѣ загремѣли камни. Заржали лошади. Но вотъ уже замелькалъ огонекъ и при неясномъ лунномъ свѣтѣ выступили очертанія сторожевыхъ юртъ. Привязанныя къ стойбищу лошади испуганно заржали, забились. Но не успѣли еще урянхи выбѣжать изъ юрты, какъ уже кругомъ замелькали темныя фигуры стрѣлковъ.

«Стой, тараканъ, не смѣй!» заоралъ я не своимъ голосомъ—на землѣ барахтался одинъ изъ плѣнныхъ, а надъ нимъ уже сверкалъ занесенный для удара штыкъ. Еще моментъ—и въ реляціи можно бы написать о горячей штыковой схваткѣ, объ отважной атакѣ и т. д.

Трофеями нашими оказались два согбенныхъ корявыхъ старца, лошади, сѣдла, юрты съ припасами и котлами. Сойоты, валяясь на снѣгу, молили насъ о пощадѣ. Не скоро ихъ удалось успокоить и черезъ переводчика собрать нужныя намъ свѣдѣнія.

Оказалось, что наши старцы—«ашіяки»—хотя и принадлежали къ составу караула, но ни въ чемъ неповинны и даже безоружны. Былъ дѣйствительно здѣсь «дарга»—начальникъ и человекъ 15 вооруженныхъ урянховъ, но они еще за нѣсколько дней узнали о приближеніи отряда «орусъ солдатъ» и скрылись во-свояси, а ихъ дарга оставилъ для присмотра за оставшимся имуществомъ и юртами.

Я имъ велѣлъ передать черезъ Мохова, что казни имъ, конечно, не будетъ, но пока они считаются плѣнными и будутъ доставлены къ старшему русскому «нойону». Юрты же и все имущество будетъ сожжено въ наказаніе за дѣйствія Кемчикскаго огурды.

И въ слѣдующее мгновеніе на высокомъ обрывѣ Енисея взвилось яркое пламя; искры снопами взлетали къ темному небу. Развѣдчики, торжествуя первую побѣду, прокричали ура и дали нѣсколько залповъ, чтобы оповѣстить нашихъ на Усть-Усѣ о благополучномъ исходѣ набѣга.

Одинъ Моховъ терзался и мучился при видѣ пылающихъ юртъ. «Помилуйте, кошма то вѣдь новая, арканы волосяные—да вѣдь

за нее сейчасъ можно сорокъ рублей дать! Пятьдесятъ можно!» но и вторая юрта догорѣла.

Дѣйствія мои были одобрены и, наконецъ, развѣдчики получили заслуженный отдыхъ.

Плѣннымъ старцамъ прочли соответствующую нотацию. Распростершись на землѣ и уткнувшись лбомъ въ половику, они вѣроятно плохо понимали упреки, что ими совершено тяжкое нарушение международнаго права.

«Теперь васъ отпустить домой и передайте по всѣмъ кочевьямъ, что будутъ сожжены всѣ юрты, отобранъ весь скоть, если еще повторятся нападенія на русскихъ!»

Бумага, составленная по всѣмъ правиламъ монгольскаго этикета на имя Хейдубы, нужно полагать, произвела меньшее впечатлѣнїе, чѣмъ послѣдняя угроза.

На кочевника азіата плохо дѣйствуютъ уговоры, убѣжденія—его нужно бить по воображенію, въ немъ нужно вызвать ужасъ, раболопное преклоненіе передъ проявленіемъ реальной физической силы.

Я еще нѣжился въ мягкой кровати, когда меня разбудили шаги и хлопанье дверей. По комнатѣ шагала какая то незнакомая мнѣ личность, въ потертомъ черномъ сюртукѣ съ металлическими пуговицами. Лицо этого человѣка напоминало старинный фіолетовый портретъ кисти Рембрандта, изображающій сизобородаго, красноносаго ландскнехта. Я рѣшилъ завязать съ нимъ знакомство.

— Менде ашіякъ!

— Аморъ менде! привѣтливо проговорилъ старецъ и отрекомендовался штатнымъ переводчикомъ монгольскаго языка Шелкуновымъ. Пуговицы и кокарда на фуражкѣ были присвоены ему по соответствующей табели ранговъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Да, вотъ, заставляють писать бумаги дзянь-дзюню и Хейдубѣ! Все утро работаю. Да ничего не выходитъ—грамматика не позволяеть!

И старецъ свирѣпо схватилъ со стола кипу бумагъ, исписанныхъ вертикальной монгольской вязью, скомкалъ и бросилъ ихъ на полъ.

— Нѣтъ такой грамматики у нихъ! Лучше уйду въ отставку!

Бѣдный Шелкуновъ, окончившій лѣтъ тридцать тому назадъ ургинскую школу переводчиковъ, мирно короталъ свои дни въ кан-

целярїи пограничнаго управленія, гдѣ ему изрѣдка приходилось разбираться въ торговыхъ распискахъ и переводить ихъ съ монгольскаго на русскій языкъ или обратно. Конечно, переводъ дипломатической бумаги, достойной пера Меттерниха, оказался ему не по силамъ и онъ съ горя шагаль по комнатѣ, изрѣдка опрокидывалъ по рюмочкѣ и закусывалъ облѣпихой.

«Пока перья скрипятъ—мечъ отдыхаетъ». Пока готовилась дипломатическая переписка, никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій не предполагалось. Но на всякій случай вновь были посланы гонцы, чтобы поторопить прибытіе съ Уса дружины, а кромѣ того было сдѣлано распоряженіе о выступленіи изъ Минусинска стрѣлковой роты въ полномъ составѣ.

Не могу не коснуться эпизода, обрисовывающаго характеръ взаимныхъ отношеній нашихъ культуртрегеровъ внѣ предѣловъ любезнаго отечества.

Взволнованный и, видимо, чѣмъ то сильно разстроенный, начальникъ экспедиціи спросилъ меня, въ какомъ состояніи люди команды и могу ли я сегодня же выступить на Кемчикъ, на заимку кушца Бякова?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ добавилъ:

— Пойдете форсированнымъ переходомъ, со всеми мѣрами предосторожности и по возможности скрытно, чтобы застать на заимкѣ всѣхъ взрослыхъ. Самого Бякова вы, данной мнѣ властью, арестуете и затѣмъ приведете подъ конвоемъ сюда. А отсюда мы его прямо въ Туруханскій край!

Приказаніе было отдано въ такой категорической формѣ, что я, конечно, не могъ и думать о какихъ либо возраженіяхъ.

Я лично зналъ до нѣкоторой степени старика Бякова, зналъ, что за 40 лѣтъ своей торговли въ Уранхайскомъ краѣ Максимъ Ивановичъ пользуется уваженіемъ не только среди русскихъ, но и сойотъ, и никакъ не могъ себѣ объяснить причину такой крутой административной мѣры. Нечего и говорить, что самый полицейскій характеръ командировки мнѣ крайне не нравился.

Было правда мгновеніе, когда въ моемъ умѣ быстрой вереницей пронеслись заманчивыя картины набѣга на спящій въ глубокомъ снѣ хуторъ—двери разбиваются ударами прикладовъ, прекрасныя женщины, разметавъ волосы, молятъ о пощадѣ... А я ихъ именемъ закона... Но это только, признаюсь, одно мгновеніе и корректность офицера одержала верхъ надъ проснувшимися было ин-

стингтами насилія и хищничества... Мое минутное колебаніе не ускользнуло отъ внимательнаго взгляда полковника.

— А, вы не хотите въ походъ? Васъ пугаетъ стоверстный переходъ? Уже упали духомъ!

Я вѣжливѣйшимъ образомъ доложилъ, что духомъ отнюдь не упалъ, но что процедуру ареста лучше бы возложить на лицо соотвѣтствующей профессіи, напр. на мѣстныхъ старостъ или на полицейскаго чиновника, сопровождающаго полковника съ самаго Минусинска. Съ гораздо большимъ удовольствіемъ я исполнилъ бы слѣдующее порученіе—отправиться хоть сію минуту на Кемчикъ и арестовать Хейдубу со всей его арміей, сжечь всѣ его юрты и угнать весь его скотъ. Развивая дальше свою мысль, я старался убѣдить полковника, что такой смѣлый рейдъ произведетъ потрясающее впечатлѣніе и навсегда отобьетъ у Хейдубы и прочихъ охоту тягаться съ русскими. Но, если они увидятъ, что наша вооруженная сила оставляетъ ихъ безнаказанными, а занимается арестами и высылкой своихъ же русскихъ, то, конечно, престижъ русской власти будетъ навсегда подорванъ.

Не думаю, чтобы мои доводы убѣдили начальника экспедиціи, но въ концѣ концовъ я былъ посвященъ въ сущность обвиненій, выдвинутыхъ противъ Бякова группою лицъ и грозившихъ ему ссылкой въ края не столь отдаленные.

Въ анонимныхъ, полуграмотныхъ письмахъ обвиняли Бякова въ томъ, что онъ наклонѣнъ лѣтъ измѣнилъ вѣрѣ православной, молится бурханамъ, принялъ якобы китайское подданство и что Хейдуба только по его совѣтамъ и проiscaмъ рѣшилъ изгнать русскихъ купцовъ изъ предѣловъ Урянхайской земли. Ясно, что на такой грязный доносъ могли рѣшиться только люди вроде Никулина и Монастыршина, ненавидѣвшіе Максима Ивановича, какъ человѣка, «портящаго имъ коммерцію», и считавшіе наступившій моментъ удобнымъ, чтобы свести съ нимъ старые счеты и подорвать въ корень его торговое предпріятіе.

На этотъ разъ махинація, такъ хитро задуманная нѣкоторыми «патріотами», не удалась. О командировкѣ отряда для поимки государственнаго преступника больше не было и рѣчи.

Черезъ нѣсколько дней въ Усть-Усинское пріѣхалъ самъ Максимъ Ивановичъ, имѣлъ продолжительную бесѣду съ полковникомъ П. и дѣло объ анонимныхъ доносахъ было окончательно предано забвенію.

Тѣмъ временемъ бѣдный Шелкуновъ все еще бился надъ тонко-

стями дипломатическаго стиля, все продолжалъ шагать изъ угла въ уголъ и закусывать облѣпихой. А времяшло: пришло извѣстiе, что для разбора пограничнаго конфликта Улясутайскiй дзянь-дзюнь уже выѣхалъ на Кемчикъ. Вмѣшательство китайскихъ властей могло дать дѣлу нежелательный оборотъ.

Послѣ блестяще выполненнаго «рейда» на урянхайскiй сторожевой пикетъ наступили дни томительнаго бездѣлья.

Манили къ себѣ темныя ущелья противоположнаго берега Енисея. Тамъ въ густой чащѣ кедровника, по бурелому и валежнику, держались чуткiя козы, пестрая кабарга. Иногда простымъ глазомъ можно было видѣть стадо альпiйскихъ козловъ, когда они съ непостижимой ловкостью пробирались по отвѣснымъ кручамъ внизъ къ паледамъ рѣки, на водопой. Мѣстные охотники называютъ ихъ «джимами». Великолѣпный звѣрь этотъ знакомъ росси́йскимъ немвродамъ вѣроятно только по этикетамъ коньячныхъ бутылокъ кавказской фирмы «Сараджiевъ». Альпiйскiй горный козелъ, «штейнбокъ» у нѣмцевъ, «туръ» на Кавказѣ и, наконецъ, сибирскiй «джимъ» — породы родственныя. Большое, сильное животное, обыкновенно бураго цвѣта съ болѣе темной окраской передней стороны ногъ, украшено могучими рогами, которые отходятъ полукругомъ назадъ. По кольцообразнымъ вздутiямъ на рогахъ опредѣляется возрастъ козла; въ амбарѣ у Мохова я видѣлъ рога съ 20—30 поперечными кольцами.

Хозяинъ нашей штабъ-квартиры, почтенный Илья Моховъ, уступилъ мнѣ, только изъ уваженiя, нѣсколько паръ такихъ роговъ за трешку. Тутъ же, въ завознѣ, валялись великолѣпные рога дикаго марала, почти 3 аршина въ поперечникѣ, изящные вѣтвистые рожки козъ, шкуры медвѣдей, волковъ, кабарги. Все это приобрѣтается имъ почти за безцѣнокъ у охотниковъ, частью за наличный расчетъ, а главнымъ образомъ въ обмѣнъ на товаръ — водку, порохъ, ситецъ, плись. Рога и шкуры вывозятся въ Минусинскъ и оттуда черезъ руки скупщиковъ и комиссионеровъ попадаютъ на Ирбитскую ярмарку и за границу, главнымъ образомъ въ Лейпцигъ и въ Англiю.

Мнѣ кажется, что наши столичные торговцы, устраивающiе знатнымъ любителямъ обстановку кабинета изъ «собственныхъ» охотничьихъ трофеевъ, извлекли бы не мало выгодъ, устройвъ въ Минусинскѣ или хотя бы въ Красноярскѣ комиссионную контору для непосредственной скупки роговъ и мастерскую для выдѣлки шкуръ и набивки чучелъ.

щество, остальное бросается. Таковую кормежку волковъ, барсуковъ и росомахъ нельзя, конечно, признать благороднымъ видомъ охоты.

Другой способъ является не менѣе отвратительнымъ въ глазахъ истиннаго охотника—это способъ ловли оленей и козъ въ глубокихъ ямахъ-западняхъ, замаскированныхъ сверху настилкой изъ тонкихъ жердей и вѣтокъ.

И такое бессмысленное жестокое избіеніе звѣря идетъ по всей Сибири; способы эти практикуются въ Кузнецкой тайгѣ, въ Бѣлогорьѣ, по вершинамъ Казыря, Кантегирия. Жалуются сами промышленники, но отказаться отъ своихъ приемовъ уже не могутъ. Сильна конкуренція.

«Сотнями, цѣлыми табунами переплывали козы черезъ Енисей. Въ тайгѣ ревомъ ревлѣ «сынъ»²⁾, трубилъ сохатый. Соболей этихъ, колонковъ десятками добывали. Лисицы, выдры этой сколько въ капканахъ передавили...»

Если не ошибаюсь, только въ прошломъ году принята мѣра, важное значеніе которой не нуждается въ доказательствахъ: управленіемъ государственныхъ имуществъ Енисейской губерніи объявлена заповѣдной мѣстностью система рѣки Казырь-Сука, праваго притока Енисея.

Полное, безусловное запрещеніе охоты по всякому звѣрю въ течение нѣсколькихъ лѣтъ безспорно дастъ благіе результаты. Въ дѣвственно величавой тайгѣ, въ темныхъ ущельяхъ, гдѣ клокочуть пѣнистые каскады Казырь-Сука, на просторѣ свѣтлыхъ елашей горныхъ хребтовъ опять появятся привольныя стада благороднаго сибирскаго изюбря, лося, кабарги, джима и другихъ видовъ сибирской фауны, близкихъ къ исчезновенію. Такимъ только способомъ, отводомъ и строгой охраной заповѣдныхъ раіоновъ, удастся сохранить и другихъ звѣрей, имѣющихъ громадную цѣнность—соболя, горностаю, колонку, лисицу, рысь, выдру. Съ каждымъ годомъ дорожаетъ пушнина, и только при разумной планомѣрной эксплуатаціи животнаго міра можно регулировать добычу и вывозъ этого товара, оцѣниваемаго въ милліоны.

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

²⁾ Сынъ—сойотское названіе марала, сибирскаго изюбря.